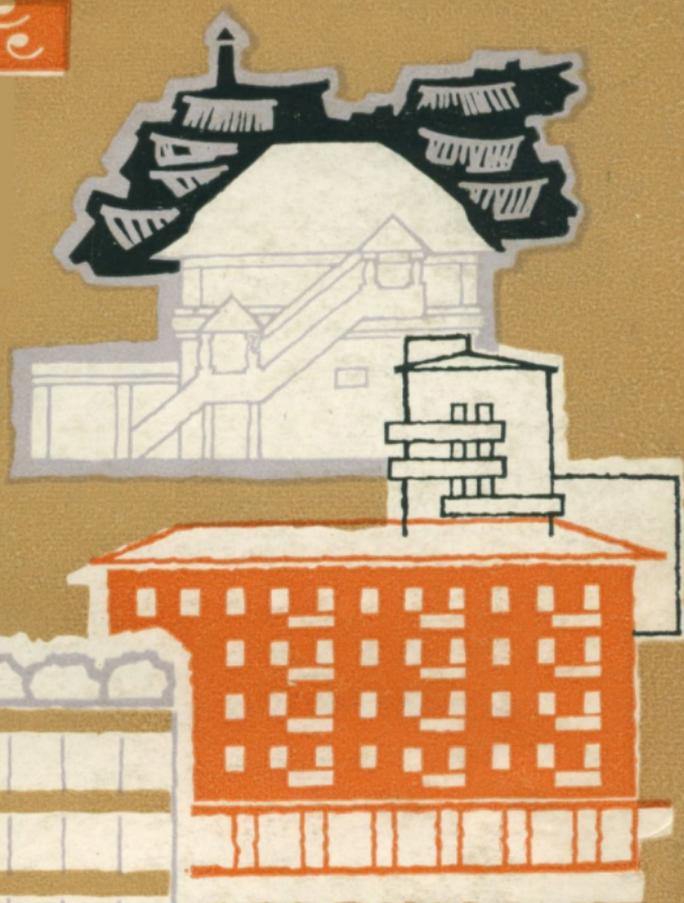

Родное
Прикамье

Л. Кузьмин

**ТВОЙ
ДОМ,
ТВОЙ
ГОРОД**

Родное
Прикамье

Л. И. Кузьмин

ТВОЙ ДОМ, ТВОЙ ГОРОД

Пермское
книжное
издательство
1 9 6 5

Прикамье — край несметных природных богатств и высокоразвитой промышленности. О его истории и перспективах развития рассказывается в популярной серии «Родное Прикамье», состоящей из восьми книг.

«Твой дом, твой город» — это рассказ о прошлом, настоящем и будущем Перми, о ее строителях. Остальные книжки знакомят юного читателя с машиностроением и бумажным производством, с лесозаготовками и энергетикой, с добычей и переработкой нефти и калийных солей, а также с сельским хозяйством Пермской области. Они учат любить свой край, могут помочь учащимся при изучении природы, истории, географии и экономики Западного Урала.

15 числа мая 1723 года капитан Татищев, берг-советник, щурясь от веселого ветра, от нестерпимой небесной синевы, спустился по ослизтому береговому склону речки Егошихи к глубокому котловану.

Желтая грязь липла к сапогам, брызгала на плащи. Пахло осиновою корой и хвоей, разрытой землей и талой водой. Близко играла волною Кама.

На краях котлована теснился народ. Ждали торжественного часа.

И как только капитан, окинув всех быстрым взглядом, стремительно прошел сквозь толпу, над огромной ямой торопливо заба-

сил дьякон, взвился кадильный дымок, народ сдержанно загудел, подался к середине... Там, в тугую глину, на пестрые вкрапины гальки лег первый камень Егошихинского завода; лег первый камень будущего города Перми...

Торжество было коротким. Сын своей эпохи, человек завидной энергии, который не боялся наступить на хищную лапу толстосуму и сказать поперечное слово самому Петру, в настоящем только берг-советник, а в будущем крупнейший государственный муж, промедления ни в чем не терпел. Недаром царь Петр то и дело справлялся о делах неутомимого капитана, а управляющий уральскими горными заводами Вильгельм де Геннин отвечал:

«...Вашему Величеству от родительского и верного моего сердца, как отцу своему, объявляю: к тому делу лучше не сыскать, как капитана Татищева, и надеюсь, что Ваше Величество изволите мне в том поверить, что я оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги... я и сам его рожи калмыцкой не люблю, но видя его в деле весьма права и к строению заводов осмысленна, рассудительна и прилежна...».

Рассудительна и прилежна! Да, сказать можно смело, именно рассудительности и прилежности, высокой патриотичности Василия Никитича Татищева обязана Пермь своим рождением. Он первый произвел топографическую съемку в черте нашего горо-

да, он сам выбрал место для Егошихинского завода, от которого и пошла Пермь.

Были у Василия Никитича и помощники. Не столь знаменитые, как сам капитан, но умельцы тоже изрядные. В то майское утро, когда в плотный егошихинский грунт ложился первый строительный камень, среди строителей стояли шихтмейстер Дмитрий Одинцов, плотничный да меховой мастера Федор Михайлов, Афанасий Бортников и пленный шведский офицер Берглин. Руководство работами возлагалось на них, а труд предстоял немалый, нелегкий. Народу на стройке не хватало. Крестьяне, присланные сюда из кунгурских деревень, каменщицкой кельмой владеть были непривычны. Выручали олонецкие мастеровые да солдаты Томского полка. И тем и другим пришлось хлебнуть лиха, пока пешком да конным порядком добрались они с обжитых мест до егошихинской новостройки. И те и эти не с одной тысячи верст на сапоги да лапти пыль собрали.

Несладко пришлось им и на стройке. Ждать-то их ждали, да жилья не припасли. Некому было припасать... И селились первые строители в шалашах, обживали тесные землянки, порой ночевали прямо под телегами. А поутру, едва выглянет солнце, поднимались они, охая и крестясь, — летняя-то ночь на Урале короче носа воробьиного — и спешили к месту работы. Завтракали на ходу: кто горбушкой с луковкой, кто солдатским сухариком.

Но работа шла споро. Лес для стройки — кругом. Знай — вали! И с хрястом, с протяжным уханьем падали могучие пихты да ели. Сверкающие полотна продольных пил вгрызались в смолистые бревна, сырые тесины шлепались с высоких козел на сочную траву. А рядом, подскакивая на корневищах и рывинах, катились подводы с кирпичом и железом. Потные землекопы, изъеденные до крови комарами, тяжелыми заступами рубили упругий таежный дерн.

Завод рос вширь и ввысь. Двадцатистисажженная плотина перехватила течение Егошихи. Задымили в синем небе, заиграли зарницами в ночи шесть плавильных печей. Сыпанула из ворот отчаянным звоном заводская кузница. Жены олонецких мастеровых да рудознатцев второпях потащили утлый скарб из землянок в новые жилища. Въехали в светлые дома чиновники. На левом егошихинском берегу появился поселок.

А весь застроенный участок опоясала крепостная стена с бастионами на углах, с пушками у ворот. Места здесь были неспокойные. Еще жива была в памяти страшная судьба городка Кунгура, начисто выжженного, вырезанного в 1662 году башкирскими феодалами. Да и не только это... Бродили по Уралу отчаянные ватажки из беглых людей, из тех, что демидовские плети да строгановские солеварни предпочли темному лесу, смелому ветру, разгульным камским берегам. Люди эти не упустили случая свести счеты и с холуем — демидовским приказчи-

ком, и с царским вороватым чиновником, и с чинодралом-офицером. Простой работный люд сочувствовал ватажникам. Исподволь набухали, накапливались тучи народного возмущения, чтобы в скором времени разразиться великой грозой Пугачевского восстания.

И все-таки Пермь зарождалась не затем, чтобы стать крепостью. Она рождалась городом-рабочим, городом-тружеником. И во всей семье прикамских городов, начиная с Чердыни, когда-то центра княжества Перми Великой, почти все города вознесли свои стены и кровли не затем, чтобы покорять, давить, властвовать, а затем, чтобы дать Российскому государству рыбу и соль, чугун и железо, медь и уголь.

Рабочая слава Урала впоследствии прокатится по всему миру и огромная доля этой славы достанется уральским строителям. Как тем, кто закладывал Егошихинский завод, так и тем, кто в наши дни зажег огни Березников, Красновишерска, Краснокамска, Чайковского — молодых социалистических городов.

Но об этом речь пойдет впереди.

Вернемся туда, где в черноногих осинниках, в дремучих пихтовниках, кляня то шепотом, то вслух царя и бога, мужики-строители трудились от зари до зари на берегу широкой Камы.

Эти мужики, постигнув из строительного инструмента по сути дела только топор, совершили чудо. Рядом с Егошихинским за-

водом они построили немалый город, который назван был Пермью. Со временем он стал центром огромного наместничества, куда вошел и Екатеринбург (ныне Свердловск), а затем был объявлен губернским городом.

Правда, в работе пермским строителям помогло то, что весь город создавался из дерева. Ведь материал этот всегда под руками, его легко добыть, и в обработке он прост. Из камня в те времена строили только соборы для богослужений, дворцы богатеев и близких к царю людей, крепостные стены крупных городов-воинов да корпуса некоторых заводов, а остальные постройки возводили из дерева. Даже городские улицы мостили бревнами. Во многих старинных русских городах до сих пор при раскопках обнаруживают остатки сосновых, а то и дубовых мостовых.

Везет, бывало, водовоз по улице бочку, она подпрыгивает на крепких колесах, обутых в железные шины, а за высокими заборами горожане в небо поглядывают, беспокоятся: не идет ли грозовая туча с дождем? Очень уж громыхает!

Так вот и Пермь, по давно установленной традиции, строилась сплошь деревянной, и единственным каменным зданием в ней сначала был Петропавловский собор, тот, что и сейчас, полуразрушенный, стоит на обрыве в начале улицы Коммунистической.

Осенью 1781 года состоялось торжественное открытие Пермского наместничества.

Это празднество выглядело великолепно, чем закладка завода. Взлетали в небо цветные фейерверки, пылали на высоком камском берегу смоляные бочки, до утра не гасли огни во дворце наместника, до самого рассвета не закрывались двери кабаков и трактиров. Праздновала чиновная знать, праздновали рабочие люди.

С этого времени деревянная Пермь стала расти быстрее. И здесь интересно еще одно очень важное обстоятельство. Строилась Пермь по заранее утвержденному генеральному плану. О немногих российских городах того времени можно сказать то же самое. Пермские улицы не бежали вкривь и вкось, как в древней матушке Москве, не заканчивались глухими тупиками, а прокладывались широко и ровно, с учетом будущей застройки. Часть этой планировки сохранилась и до нашего времени, настолько удачно она была продумана. Историки предполагают, что авторы этого блестящего плана — архитектор Леонгард и землемер Андрей Грубер.

Но, к сожалению, огромную работу пермских строителей то и дело уничтожали пожары. И все потому, что основным строительным материалом являлось дерево.

Особенно жестоким был пожар 1842 года, до трехсот домов стер с лица земли тогда красный петух. Напрасно многие храбрецы с ведрами и баграми кидались наперерез пламени. Напрасно полураздетые, опаленные женщины и старики возносили над ча-

дящими головнями иконы с божьими ликами. Огонь бушевал кругом. По-волчьи выли псы. Ревела в закрытых дворах скотина. Все в пене, с налитыми кровью глазами, вставляли на дыбы кони пожарной команды и, обрывая построжки, опрокидывали бочки, с хриплым ржанием носились по дымным улицам, калеча людей.

Долго после этого пожара курились пустынные пепелища, да глядели в серое небо черные трубы обгорелых печей.

Но пермским строителям, как всему рабочему люду Российской империи, мешали не только пожары. Сама жизнь строителей была жестока и бесчеловечна. Создавая хоромы богатыям, возводя прочные стены промышленных корпусов, сами строители ютились в развалюхах, в чужих углах, в смрадных ночлежках, деля затертые деревянные нары с рабочими железнодорожных мастерских, с бурлаками, с нищими и ворами. С петровских времен до николаевских быт строителей никак не изменился. Если очень умелый рудознатец или заводской рабочий еще мог рассчитывать, что, экономя на корке хлеба, он сможет когда-нибудь занять хоть небольшую хибарку для семьи, то строитель о таком счастье почти и мечтать не мог. Труд был сезонным, платили за него копейки. А нужда командовала по-своему и, не хуже дубины, загоняла плотников и каменщиков на строительные леса.

Тяжела работа на стройке, а облегчить ее нечем. Были в те времена лишь тачка,

блок с веревкой да еще печально знаменитая «коза» — обыкновенная доска с деревянными рогульками, чтобы за плечи зацепить, подхватить на спину стопу кирпича и нести ее на верхние этажи новостройки. А в руки еще бадью с водой или с глиной надо взять. Ведь руки-то свободные! Трещала спина от такой нечеловеческой работы, вздувались вены на руках и ногах, порой и до тридцати лет не доживал строитель, замученный лошадиной нагрузкой. От несчастных случаев рабочие гибли чуть не каждый день. Лопнет под ногами гнилая доска, помутится в глазах белый свет от усталости, и летит человек вниз головой на острые кирпичи и камни. И везут незадачливого козonoса на скрипучей телеге, обляпанной известью, накрыв дырявой рогожкой, на рабочую окраину... Везут туда, где его ребяташки, теперь уже сироты, роятся в пыли на задворках косога барака, туда, где жена, измученная стирками на чужих, горбится над корытом с мыльной водой, где по ночам тоска и мрак, где единственное яркое пятно — белый мундир городского с медными, сверкающими пуговицами.

Великое начало

Октябрьская социалистическая революция изменила все. Изменила быт строителей, их труд. А старинные прикамские города Соликамск, Усолье, Нытва да и сама Пермь, хоть и выстроенная по очень толковому плану, выглядели по-прежнему пестро, мрачновато, неприглядно.

И не потому, что мало было в них больших каменных построек, а потому, что лучшие здания в городах принадлежали раньше толстосумам: заводчикам да фабрикантам, торговцам да крупным чиновникам. Они именовали себя чванливо «отцами города» и один другого не терпели, один перед другим старались отличиться, а при случае и соседу на ногу наступить. Неуживчивость, конкуренция этих «отцов» отражалась и на облике городских улиц.

В Перми на теперешней улице Карла Маркса, бывшей Сибирской, где жили «сливки» общества, где до сих пор сохранилась часть старых построек, неуживчивость богачей очень хорошо видна. Старые дома там как бы выхваляются один перед другим. Один дом в небо лезет, размером стремится взять, другой в кокетливые каменные завитушки нарядился, а третий поверх карниза пышной шапкой тяжеленный парапет на себя нахлобучил—пусть, мол, смотрят. Хоть и несуразно, зато у других такого нет.

В самой середине города, где стоит теперь оперный театр, вид был вообще безобразный. Там находились так называемые торговые ряды, плод «коллективного» творчества прикамских торгашей. Рундуки и лабазы, лавки и лавочки, кабаки большие и кабаки маленькие с притонами всех сортов в закоулках и во дворах пестрели, манили, орали аляповатыми вывесками, зазывали прохожих в свое алчное, жаждущее денег нутро. Здесь процветал грабеж скрытый и явный, здесь молились не святой троице, а залапанному, но всемогущему рублю.

И чем дальше от центра, тем хуже был город. Окраины деревянные, улицы немощеные, грязные, темные по ночам. В 1902 году по проекту великого русского ученого, изобретателя радио А. С. Попова была построена электростанция. В центре Перми загорелся электрический свет, а на рабочих окраинах до самой революции сверкали только грязные лужи да кокарды городских.

16 декабря 1917 года первый губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов провозгласил в Пермской губернии Советскую власть. Хозяином прикамских городов и сел стал народ. Но города-труженики не сразу начали менять свое лицо. Вдохновляемые капиталистами всего земного шара, российская белогвардейщина, японская, американская и английская военщина обрушили на молодую рабочую страну карательные полки. На Урале свирепствовал Колчак. Немало пришлось проявить мужества и героизма революционной армии, уральским партизанам, чтобы стряхнуть с горла республики костлявую руку царского адмирала. Многие заводы и фабрики превратились в руины. Откатываясь на восток, контрреволюция не хотела оставлять восставшему народу целыми ни города, ни деревни. Расчет врагов был прост: то, что не сделала гражданская война, сделает разруха. Революция задохнется от холода, голода, она умрет в тифозном бреду.

Но дело повернулось не так... Победив на всех фронтах, народ повел наступление и на разруху. Знамя коммунистических субботников, поднятое московскими железнодорожниками, было подхвачено и пермским пролетариатом. Пермский военно-революционный комитет 24 июня 1919 года опубликовал пламенный призыв, в котором звучали такие слова: «Ну-ка, товарищи коммунисты, начнем по примеру москвичей бесплатно уделять по субботам и праздникам

несколько часов работы на пользу пролетарского государства. Организуем субботники!»

В Чусовом, в Кизеле, в Перми, во всех уездных городах Прикамья сотни коммунистов и сочувствующих великому делу революции откликнулись на этот призыв. И именно в эти дни началось зарождение кадров прикамских строителей; строителей новых, тех, что за несколько десятилетий неузнаваемо изменят, украсят свой родной край.

Но тогда, когда знамя победившей революции еще только начинало расправлять свое молоткосто-серпастое полотнище над страной, строителям было особенно нелегко. Располагая по сути дела теми же техническими средствами, что и строители прежних времен, недоедая, кутаясь в плохонькую одежду, они должны были восстанавливать промышленность. И в первую очередь строителей ждал транспорт. Уральские железнодорожные магистрали ржавели, зарастали травой. Металлические фермы мостов через реки враг исковеркал взрывами, сбросил в воду. Эшелоны с топливом, с хлебом двигаться не могли, а страна ждала, очень ждала их.

И пермские строители нашли выход. Они не стали дожидаться, пока рабочие-металлисты Чусового изготовят новую ферму для разбитого камского моста, они призвали на помощь смекалку и уральский мороз, тот самый мороз, который всегда им мешал в работе. Пермь построили через могучую

реку мост изо льда! И бóльшая часть работы была выполнена за счет субботников. Уральский уголь и железо пошли в центр страны.

Быстрыми темпами, темпами, каких не видывал никто из царских подрядчиков, — а они-то уж умели подгонять строителей, — двигалось и восстановление постоянного железнодорожного моста через Каму. Ни свист осенних ветров на многометровой высоте, ни бешеные вьюги не помешали строителям-монтажникам делать свое дело днем и ночью. Обмерзали, липли к металлу руки. Февральский буран прохватывал морозными иглами насквозь. Пламя костров не согревало людей. Оно лишь метало на камни, на снег, на груды теса едкий дым и огромные косматые тени. Но рабочие не отступали, день за днем восстанавливали мост.

17 февраля 1920 года первый паровоз, расшвыривая клубы пара, осторожно простучал с левого берега на правый по рельсовым стыкам мостовых строений и гудком отсалютовал строителям. Радостная вест, опережая поезда, полетела в Москву. И Москва откликнулась сообщением о награде тех, кто снова соединил два камских берега крепким поясом из уральского железа. Постановление о награждении строителей подписал Владимир Ильич. И еще долго на первом пролете моста белели слова: «Пусть восстановленный камский мост послужит залогом победы над разрухой транспорта!»

К концу двадцатых годов был полностью восстановлен не только транспорт, но и вся

промышленность Урала. Но разве нужно было лишь восстанавливать? Разве достаточно было рабочим Перми и Лысьвы, Чусового и Кизела того, что им оставила уничтоженная царская власть? Разве прикамским строителям можно было теперь сказать, что сделано все? Нет! Главное только начиналось... Только теперь, когда со следами гражданской войны было покончено, можно было начинать строить новый мир. Нетерпеливые руки сами рвались к его перестройке.

Еще в первые советские годы, еще тогда, когда нужда сковывала жизнь, комсомольцы Перми снесли с лица земли разбойное торгашеское гнездо в центре города. И снесли не затем, чтобы оставить тут пустырь... Парни и девушки двадцатых годов видели землю будущего в зеленых садах, мечтали о городе-саде и, воплощая свою мечту, посадили на месте сметенных торговых рядов, трактиров и кабаков молодые деревья.

Сейчас этот сквер буйно кипит каждое лето листвой, сыплет на тропинки тополиный пух, роняет яблоневый и сиреневый цвет. И стоит здесь на пьедестале Ильич, лицом к огромному рабочему городу...

А город растет все шире, все выше. Он стал неузнаваемым. Его уже нельзя сравнить с той старой губернской Пермью, чиновной и чванливой, неблагоустроенной и нищей.

7 ноября 1928 года, в праздник XI годовщины Октября, по пермским улицам, весело названивая, распугивая франтоватые извоз-

чичьи пролетки, под мощное «ура!» праздничных горожан пошел первый трамвай. В скором времени на улице Карла Маркса, напротив сада имени Горького, выросло семиэтажное жилое здание, так называемый дом чекистов. А ближе к реке, на той же улице, появилось здание гостиницы «Центральная» в семь этажей. Потом пошли расти школы, ясли, студенческие общежития, Дворцы культуры, рабочие поселки. За короткое время, начиная с конца двадцатых годов, Пермь выросла в десять раз!

Не отставали от нее и другие старинные города Прикамья. А самое интересное то, что за каких-нибудь тридцать лет в Пермской области возникло пять совершенно новых городов и двадцать восемь рабочих поселков городского типа. Как год, так и город! Это ли не сказка? И сказку эту творят строители не с помощью волшебной палочки, а с помощью машин, с помощью новых материалов и техники, пришедшей взамен дедовской дубинушки и «козы». Ведь рабочий человек в нашей стране постоянно ищет способы строить быстрее. И не только быстрее, но и легче. В этих поисках он открыл очень много нового, раньше неизвестного.

Могучие помощники

Сейчас, в каком бы городе Прикамья ты ни жил, куда бы ни посмотрел, первое, что ты увидишь, это силуэт башенного крана. Стройный и могучий, он, как сказочный великан, в огромной руке плавно несет большую кипу досок или штабель кирпичей, несет под самыми облаками и бережно опускает на строительные леса. Огромная рука его — металлическая стрела на прочном стальном тросе. Она поворачивается в любую сторону, а сам кран ходит по рельсам, как поезд. Управляет им один человек — машинист. Сидит он в стеклянной кабине. Это рабочее место — самое высокое на стройке. От него и до неба рукой подать, и вся площадка под ним как на ладони. Машинисту помогают два человека — строповщики.

Один цепляет груз к крюку крана внизу, на складе, другой принимает груз наверху, на лесах.

Если бы прежний козонаос посмотрел на их работу, он решил бы, что видит удивительный сон. Ведь ему бы и за год не перетаскать столько груза, сколько поднимают за одну смену три этих человека. Башенный кран освобождает от тяжелейшей работы добрую сотню людей, а ведь таких кранов у нас в стране десятки тысяч. Только у пермских строителей их наберется не менее полутысячи.

Но самыми первыми механизмами на стройку приходят не краны. Стройку начинает удивительная машина — экскаватор. Ведь прежде чем поднимать стены здания в небо, строителям нужно опуститься вниз, в землю. Сначала нужно сделать прочную опору для стен — фундамент. Для него иногда приходится рыть котлован глубиной и в пять и в шесть метров. А иной раз и больше. Некоторые стройки так велики, что для фундаментов приходится вынимать тысячи кубометров грунта. Посчитай сам, сколько нужно было бы пригласить на такую стройку рабочих с обычными лопатами, если один землекоп за день может выкопать не больше одного-двух кубометров... Но теперь там, где гудят моторы экскаваторов, землекопы почти не нужны. Ведь и тысяче землекопов не угнаться за одним железным работником, вооруженным механической лопатой. У некоторых из них лопата настолько большая,

что в нее свободно может въехать легковой автомобиль... Попробуй потягайся с таким работягой!

А когда экскаватор подружился с автосамосвалом, то начисто уничтожил такую профессию, как грабарь. Грабарями назывались землекопы, приезжавшие на стройку на своих лошадях, запряженных в специальные телеги-грабарки, удобные для перевозки земли. Спускался грабарь вместе с подводой в котлован, наполнял грабарку землей, а затем отвозил в назначенное место. Множество грабарей съезжалось на большие строительства, и все же несколько месяцев уходило на то, чтобы выкопать единственный котлован.

Сейчас ни одна стройка немыслима без экскаваторов. Разве смогли бы за шесть лет построить наши строители Камскую ГЭС, если бы четырнадцать миллионов кубометров земли, уложенные в ее тело, стали перевозить на грабарках? Конечно, нет! Всех коней со всей Пермской области не хватило бы для этой грандиозной работы.

А ведь Камская ГЭС не одинока в пределах Прикамья. Следом за ней возникла Воткинская и уже на очереди Верхнекамская гидроэлектростанция.

Причем гидростроители не просто сдвинули с места, перевернули, выкопали миллионы и миллионы кубометров грунта, не только заставили камские волны гнать по проводам электрический ток, они частично изменили географию Прикамья. Там, где

тысячи веков шумели леса, где ржавели и гнили болотные кочки, где по камешнику перекатывались безымянные ручьи, теперь расплеснулась, разыгралась морская волна, широкая, сильная.

1735 квадратных километров заняло первое Камское море. Почти одиннадцать миллиардов кубических метров воды хранит оно в себе. Ширина его в некоторых местах, такая, что и берегов не видеть.

До создания моря на Кама условия перевозки сухогрузов и леса в плотях были очень тяжелыми. Глубины в межень быстро падали, и начиная с июня Кама становилась совершенно непроходимой для современных большегрузных самоходных барж. Большие средства уходили на поддержание устойчивых глубин в русле. Ежегодно путейцы Камы вынимали более двух миллионов кубометров грунта, а на следующий год принимались за ту же работу — Кама заносила фарватер.

Сейчас все это в прошлом. На всем протяжении море судоходно. Лишь иногда доставляет неприятности речникам свежий ветерок, поднимающий невиданные раньше на реке волны. Изредка всплывают большие куски торфа прямо с кустами и деревцами. И плавают они по морю, пока не разобьют их волны и ветер.

Совсем близко время, когда появится Верхнекамское водохранилище и воды Камы сольются с водами северных рек Печоры и Вычегды. Целый каскад водохранилищ, со-

зданных руками строителей, откроет речной водный путь от Баренцова моря до Каспийского, Черного и Балтийского.

Говоря об огромных достижениях строителей в деле преобразования лица земли и городов, мы упомянули только о нескольких стальных помощниках — кране, экскаваторе и автосамосвале. Но ведь это еще не все, чем располагают сейчас люди, создавая плотины и дома, заводы и фабрики. Есть и другие умные машины, без которых строительную площадку сейчас невозможно представить.

Там, где холмы и овраги, там, где густые заросли не дают людям пробиться вперед, рокочут мощные бульдозеры. Широкими стальными ножами они выворачивают пни и крепкие корневища, срезают бугры и заваливают ямы. Там, где поработал бульдозер, местности не узнать. Вчера был косогор, заросший чертополохом, а сегодня здесь ровная площадка, такая, что хоть в футбол играй.

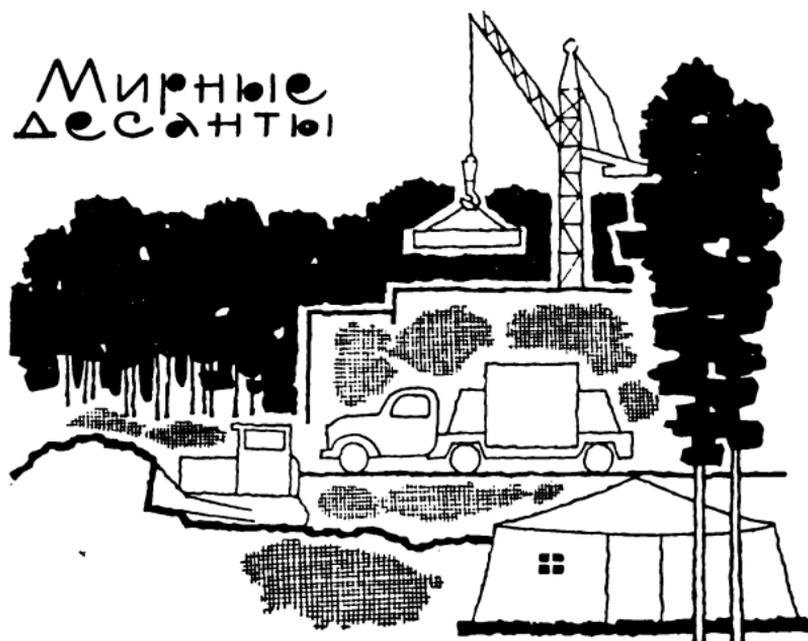
А там, где строятся шоссейные дороги, бульдозерам помогают скреперы, прицепленные к сильным тракторам. Скрепер катится за трактором на огромных резиновых колесах, железной пригоршней зачерпывает лишний для стройки грунт и сам увозит его туда, куда покажет прораб. Там, где работают скреперы, даже автомобили не нужны.

Машин у строителей сейчас столько, что лишь о них одних можно было бы написать целую книгу. Если побывать хотя бы на березниковских стройках большой химии, то

можно увидеть, что нет на строительной площадке работы, в которую не вмешивались бы машины. Машины пилят и строгают, штукатурят стены и красят новые квартиры. Машины даже моют полы и сажают деревья.

В содружестве с такими помощниками могучим великаном стал строитель. Семи-верстными шагами идет он вперед, и вырастают красивые, светлые города, огромные заводы и комбинаты, разливаются новые моря.

Мирные десанты

Когда армия наступает, она, для того чтобы обеспечить успех, далеко за линию огня выбрасывает десанты. Десантники — самые отважные солдаты. Им трудней тех, кто остался на «большой земле», пусть и на линии огня... Оставшиеся и с тыла и с флангов имеют поддержку. А десантники — всегда в кольце. Им нужно вести бой на все четыре стороны. И с товарищами их связывает только невидимый пунктир радиоморзянки...

Строители, начинающие строить новое предприятие, поселок, город, часто оказываются в таком же положении десантников. Они на долгие дни, а порой и месяцы, бывают отрезаны от больших городов, от главных

магистралей, пока сами не пробьются сквозь леса, сквозь болота топорами, лопатами, бульдозерами к «большой земле», пока не свяжут с ней свой «плацдарм» новыми путями. Наши края так обширны, новостройки возникают порой в таких неожиданных местах, что на положении десантников строители оставались, остаются и будут, наверное, оставаться очень часто.

Это хорошо, когда стройка начинается на том месте, где уже исторически сложился город, где веками натоптаны, наезжены пути и дороги... А вот если город рождается так, как тридцать пять лет назад зарождался Краснокамск? Тогда строителям не очень-то просто... Им нужно было, подобно библейским кудесникам, из ничего сделать все.

Сколько сил, сколько труда положили строители тех лет, пробиваясь в сторону Перми, чтобы получить для стройки кирпич и цемент, хлеб и металл. Изо дня в день прорубали они дороги сквозь кондовый лес, наводили мосты через крутые овраги, настилали лежневки через болота. И так — каждый день, и так — до самой Перми. Пока не было дорог сухопутных, летом первостроители города бумажников подставляли спину под тяжелые кирпичные стопы и бегали, бегали целыми днями по хлипким сходням с баржи на берег, с берега на баржу.

И город рос. Здания поднимались все выше, но каменщикам даже с самых высоких лесов уже не было видно, как далеко ушли их собратья по профессии, те, что отправи-

лись на прорыв сквозь чащи, пошли на соединение с Пермью, со всей страной, прокладывая шоссейные и железные дороги. То, что можно было назвать десантом, становилось уже регулярной армией, сзади которой и с флангов плечом к плечу стояло все трудовое Прикамье, вся советская Отчизна...

Но случается, что и не вдали от больших путей, а почти на территории уже давным-давно существующих городов строители оказываются в чрезвычайном положении.

Крупнейший в Европе завод «Камкабель» решено было строить в районе поселка Гайва, в северо-западной части Перми. Происходило это совсем недавно, в наши шестидесятые годы. Казалось бы, что тут-то уж не работа, а одно удовольствие. Под боком все радости, все удобства—благоустроенный поселок, кинотеатры, магазины. Остается только освоить рядом с этим поселком отведенный под застройку участок и трудись себе, не зная нужды. Только?.. Вот это-то «только» и оказалось самым трудным. Чтобы расчистить строительную площадку, нужно было влезть в заболоченный черный лес, надо было убрать его, выкорчевать и провести через крутой овраг дорогу к поселку...

В редакции многотиражной газеты «На стройке» строительно-монтажного треста № 11 сохранилась редкая фотография. На черно-белом глянцевице листке топорщатся, дыбятся, как фантастические спруты, огромные сплетения вывернутых из грунта

корневищ. Кругом тусклое море грязи. По нему, как корабли, плывут — именно плывут! — бульдозеры и самосвалы. Огромные коряги тянутся к ним узловатыми лапами, хотят остановить, но, не дотянувшись, хищно горбятся и бессильно замирают.

А над всем этим побоищем нависло серое небо с дождем, с мокрым снегом...

Жаль, что у строителей редко сохраняются такие фотографии. Строители не любят хвалиться собственным героизмом. Он для них — дело повседневное. Побеждать природу — для них то же, что для портного рубашку кроить.

Ведь такие фотографии можно сделать почти на каждой новостройке, так чего уж тут гордиться...

Строители ведут войну не только с природой. Строителям постоянно приходится вступать в бой со многими обстоятельствами. Одну из таких войн можно назвать войной с друзьями, и дело тут вот в чем.

Управляя машиной, один строитель стал заменять десятки, а то и сотни рабочих. Но не на всякой работе. Взять, например, кирпичную кладку. Здесь машина помогает лишь поднимать материалы на леса, а вот выложить стену она не может. Кладку, так же как сотни лет назад, выполняют вручную каменщики. За каждым кирпичом нужно наклониться, подлить под него специальной лопаткой-мастерком раствор, точно, по шнуру, положить кирпич на место, под-

ровнять да еще пристукнуть. В стены современных домов умещается от четырехсот тысяч до одного миллиона штук кирпичей: попробуй-ка, наклонись да распрямись миллион раз — не обрадуешься!

Само производство кирпича механизировано давным-давно. Еще в 1864 году, сто лет назад, «Санкт-Петербургские ведомости» известили Россию о том, что в Перми изобретена машина для изготовления кирпича. Информация об изобретении была перепечатана из «Пермских губернских ведомостей».

Производство кирпича с каждым годом совершенствовалось. Но все равно, если взяться одному за кладку стен большого дома из кирпича, изготовленного самым новейшим способом, то на эту работу уйдет не менее половины века.

Вот и выходит, что хотя множество рабочих на стройке заменила машина, а все равно нужны руки тысяч строителей. Надежный, крепкий друг строителей — кирпич — не дает возможности строить быстро. Да и все остальные части здания, выполняемые из давно известных материалов, строятся не быстрее стен. Медленно подвигается закладка фундаментов из жидкого бетона, который твердеет долго да и боится холодов. Много уходит времени на устройство перекрытий и крыши из балок, брусьев и досок. Немало часов отнимают и ступеньки лестниц, будь они хоть из дерева, хоть из камня. А строителям медленная работа совсем не по душе. Двигаться вперед им нужно как

можно быстрее... И тогда они объявили войну своим старым друзьям — кирпичу и дереву, взяв в союзники бетон.

Бетон по сути дела тоже древний материал. Секрет его изготовления был известен еще строителям Великой китайской стены. Но, чтобы стать бойцом в войне против кирпича и дерева, он приобрел одно новое, необыкновенное качество — он стал крепким, как железо.

Железную прочность бетону помогло приобрести одно совершенно случайное открытие. Его сделал не строитель, не инженер, не ученый, а простой французский садовник Жак Монье.

Известно, что в садоводстве не обойтись без кадок. Жаку Монье их требовалось множество, но из-за дороговизны садовнику деревянные кадки не всегда были по карману. Он долго искал выхода, пока однажды ему в голову не пришла счастливая мысль: «А почему бы не делать кадки из бетона? Бетон крепок и дешевле...» Сказано — сделано, и вскоре в саду Монье появились бетонные кадки. В них прекрасно приживались цветы и деревья, их охотно покупали другие садоводы. Но со временем бетон трескался, осыпался, бетонные сосуды не могли жить очень долго.

И вот тогда-то Жак Монье сделал свое открытие. Летом 1857 года, желая как-то предохранить свои изделия от разрушения, он сплел из проволоки подобие корзины — каркас будущей кадки — и опустил в жид-

кий бетон. Кадка получилась на удивление прочной. Ее можно было бросать на землю, на ней можно было прыгать — она стойко выдерживала все испытания. Она была — железобетонной.

В конце XIX века железобетоном заинтересовались ученые. В 1891 году в Петербурге под руководством профессора Белелюбского впервые в истории человечества был построен железобетонный мост. С тех пор новый материал стал привлекать к себе внимание все больше и больше. После Октябрьской революции и особенно сейчас советские строители творят из железобетона настоящие чудеса. Кирпич и дерево все дальше и дальше отступают в битве за высокие скорости строительства.

Внешне современный дом можно и не отличить от построенного четверть века назад. Глядя на готовое здание, трудно увидеть все то удивительное, что совершается на строительных площадках в наши дни. Нужно побывать на них самому. Если ты пермский житель, тебе это сделать нетрудно. Сейчас нет такого уголка в городе на Каме, где не гудели бы экскаваторы, не высились бы величественные силуэты башенных кранов. И везде можно увидеть если не все, то хотя бы часть тех чудес, которые творит наша строительная техника.

Пойди туда, где дом только что начали строить, «закладывать», как говорят строители. Посмотри, как делают фундаменты — опору будущего здания. Вместо того, чтобы

лить в траншеи жидкий бетон и ждать, пока он затвердеет, фундаменты теперь привозят на стройку готовыми. Не целиком, конечно, а нарезанными на большие кубики. Каждый из них величиною с обеденный стол и называется блоком. На свое место блоки укладывают краном, а рабочие лишь подливают под них раствор да следят, чтобы каждый блок был поставлен правильно. Пройдет несколько дней — фундамент готов. Не то что раньше! А самое главное удобство в том, что сборный фундамент не только летом, но и зимой, в самые лютые морозы, можно делать с большой скоростью. Блокам-то не страшен мороз. Их на заводе в теплой камере сделали.

Из бетонных блоков делают не только фундаменты. Из них можно возводить стены очень крупных зданий. Строителям завода «Камкабель», тем, что вели тяжелую битву с болотистой тайгой, очень помогли такие блоки. Заменяв ими кирпич, они в несколько раз быстрее воздвигли стены огромных корпусов. Корпуса эти так велики, что проход между ними похож на длинную улицу.

Но стены и фундаменты из блоков уже не новинка. Пермские строители для оснований начали сейчас применять другой материал. Вместо бетонных блоков на стройку пришли железобетонные сваи. Свайное основание дома намного дешевле блочного, а прочность у него больше. Свая похожа на огромный, четырехгранный, остро заточенный карандаш. Вместо зернышка у «каран-

даша» стальной стержень, а оболочка не деревянная, а бетонная. Сваю ставят острием вниз, механический молот-копер ударяет ее по верхнему, тупому концу, и она немножко входит в землю. Копер еще раз ударил — свая вошла еще немного... И так стучит молот до тех пор, пока свая не очутится в земле.

Под один большой дом свай забивают всего несколько десятков, а сверху на них кладут плашмя широкие железобетонные балки, на которые и опираются стены. Дом на сваях стоит очень устойчиво даже там, где земля топкая, болотистая. Свая насквозь прокалывает болото и крепко упирается в твердое дно.

Не примени строители свайный фундамент, трудно пришлось бы им при возведении многих красивых домов в нашем городе. Бродит в центре Перми подземная речка Пермьянка, размывает грунт. Но великаны дома надежно встали на железобетонные ноги-сваи, подземные потоки им теперь не страшны.

А кто побывает в Закамске, в одном из новых районов Перми, тот увидит еще и не такие чудеса. Там среди зеленых сосен растут дома не по дням, а по часам. Растут как в сказке... С этих новостроек рыжий кирпич — любитель людских поклонов — ушел навсегда. Здесь волшебное царство железобетона и техники! И людей здесь очень много.

Вот к строительной площадке, шипя тор-

мозаи, подкатил автомобиль. На его прицепе — кусок целой стены размером с комнату. Это панель. В нее уже вставлено готовое окно. На прицеп взбирается такелажник, поднимает вверх лицо и машет рукой. Над макушками сосен почти бесшумно проплывает стрела башенного крана и останавливается над автомобилем. Такелажник ловит концы металлических строп, цепляет их за петли панелей, и этот огромный, тяжелый кусок здания, чуть покачиваясь из стороны в сторону, легко уходит на высоту. А там двое монтажников подхватывают панель, отвесом и уровнем проверяют, ровно ли встала, и огненной иглой электросварки пришивают навечно к другой панели.

Не больше месяца уходит на строительство коробки громадного дома. Это исполнение мечты тех, кто, надрываясь, накатывал когда-то на высокие срубы молодой Перми голыми руками да веревкой смолистые тяжелые бревна; кто ломал себя на шатких лестницах купеческих строек.

В 1964 году инженеры и рабочие треста Пермжилстрой в квартале 176 сумели наладить свою работу так, что один пятиэтажный дом построили за 48 дней, а три таких же дома — всего за 115 дней. Секрет заключается в том, что дома эти собирались из крупных панелей, работа велась по заранее продуманному графику. Друг за другом шли в район строительства тяжелые, тридцатитонные панелевозы. Башенные краны быстро снимали с их железных спин сероватые па-

нели и передавали прямо в руки монтажникам.

Работа кипела днем и ночью.

Почти всей стране показали экраны телевизоров это торжество пермских строителей. В 1965 году в Перми именно таким способом будет возведено 90 тысяч квадратных метров жилья, а в каждый последующий год — по 140 тысяч!

Но и крупная панель — не предел для изобретательного ума. У нас в Перми осуществляется еще одно чудо строительной техники — дома из блок-комнат. На такую стройку привозят вместо панелей целые комнаты. Если взять несколько десятков пустых спичечных коробков и рядками поставить друг на друга, можно представить себе, как создается здание из блок-комнат. Правда, дом из коробков может рассыпаться при малейшем толчке, а вот из блок-комнат он не развалится. Очень крепко соединяются коробки-комнаты, а скорость строительства таких домов еще больше, чем крупнопанельных.

Откуда же берутся эти чудесные панели и готовые комнаты?

Изготавливаются они на заводах железобетонных конструкций. Как видишь, строительство теперь похоже на своеобразный сборочный цех, а слово «завод» неотделимо от слова «стройка». Рядом с этими двумя словами стоит и третье, самое главное, — «железобетон». Только с помощью железобетона пермские строители смогут обеспечить удоб-

ными квартирами каждого жителя, подготовить ему рабочее место в новом, светлом заводском цехе. А цехов этих, так же как и домов, вырастает в нашем крае множество. И на всех стройках царствуют сборный железобетон и монтажники.

Монтажник сродни летчику. Он целый день находится в воздухе, и только узенькая балочка под ногами да стальная цепочка, пристегнутая к поясу, удерживают его над многометровой пропастью. Монтажниками могут стать только очень смелые, крепкие люди. С помощью электросварки они собирают из больших балок и колонн каркас — основу будущего цеха, электростанции. Порой каркас поднимается на такую высоту, что и самые большие краны не могут дотянуться туда. Тогда на помощь монтажникам приходят их крылатые собратья — летчики. Тяжелую балку цепляют за вертолет и подают прямо в руки отважным высотникам.

Когда-нибудь, может быть, в Перми создадут памятник строителям. И бронзовый человек-строитель будет стоять обязательно в костюме монтажника. В руках он сожмет волшебную палочку — электрод, а над головой его приподнимется, как скафандр космонавта, прозрачный щиток. Но главным памятником строителям всегда будут их дела: гидростанции на просторной Каме, заводы-великаны на окраинах Перми, Березников, Соликамска, Дворцы культуры, школы и детские сады.

Солнечные города

Итальянский философ Кампанелла говорил, что город должен воспитывать в людях чувство счастья, чувство большой любви к родине. Он мечтал о Городе Солнца, радостном и прекрасном. Сделать прекрасным облик своего жилья, своих городов хотели многие люди. Но и на протяжении целых веков они не могли этого добиться. Даже самые знаменитые столицы мира — Париж, Рим, Лондон — не могли да и не могут быть названы городами Человеческого счастья.

Великолепные ансамбли и нищенские кварталы, легкие колоннады и грязь рабочих окраин — вот облик этих древних и величественных городов. Солнце в них достается избранным, а трудовому большинству надменные красавцы города дарят мрак подва-

лов, холод чердачных мансард и зловоние окраинных дощаных поселков. Да и великолепные постройки городских центров не всегда сливаются в одну стройную архитектурную композицию. Вспомни пример старой Перми. Какая уж тут композиция! Одна ярмарочная пестрота...

Только социалистический город, город, построенный руками трудящегося класса, может стать таким, каким он грезился Кампанелле. Удивительные превращения происходят и с нашей родной Пермью. Ее окраины, годами бывшие символом людской нестроенности, стали красивее старого центра.

Современные материалы и могучая техника в руках пермских строителей скоро сделают город совсем неузнаваемым.

Правда, есть люди, которые говорят, что дома из панелей, из блоков очень уж монотонны, однообразны. Что старая Пермь, хотя и была разношерстной, но не утомляла глаз, так как дома в ней были все разные.

Ворчат эти люди зря. Современная застройка города подчинена одному большому замыслу. Больше солнца, больше зелени стремятся подарить горожанам советские архитекторы—авторы проектов широких улиц и светлых кварталов. Это на первый взгляд, там, где строительство еще не доведено до конца, новые жилые корпуса кажутся одинаковыми.

А ты пройдишь по Комсомольскому проспекту и увидишь, что красивее улицы в

Перми еще не бывало. Строгие, спокойные фасады домов, с голубыми отблесками стеклянных витрин и широких окон, с ровными линиями балконов, не стескивают улицу, а делают ее еще просторнее. И совсем не одинаковы дома, стоящие на этом проспекте. Кинотеатры, административные здания, зелень деревьев создают впечатление стройного и веселого ансамбля даже в пасмурную погоду.

Стекло! На Комсомольском проспекте много стекла. Это материал будущего. Кинотеатр «Кристалл», облицованный стеклянными блоками, одно из красивейших зданий в Перми, да и не только в Перми, а на всем Урале. Недаром ему дано такое светлое имя...

А город завтрашнего дня будет еще прекраснее. Чтобы убедиться в этом, мы можем посмотреть на ту Пермь, которая встанет перед нами лет через пять. Сделать это совсем нетрудно, потому что уже сейчас сотни архитекторов, инженеров и техников, разложив на своих столах белые листы ватманской бумаги, создают эту завтрашнюю Пермь. Для проектировщиков она уже видна как на ладони. Давайте же и мы вместе с ними, перешагнув годы, полюбуемся на свой город.

Во-первых, центр... Каким он станет? Ведь по сути дела у Перми нет сейчас такого места, встав на котором можно было бы сказать: «А вот это центр нашего города! Посмотрите, как он красив, как он неповторим

по своему оформлению. Другого такого же вы не найдете ни в одном городском районе. Не найдете, потому что это сердце города...»

Но центр Перми будет, и очень скоро. Уже давно скинули с себя строительные леса величественные корпуса Политехнического института и административного здания напротив, уже широко распахнулась перед ними Октябрьская площадь, залитая ровным асфальтом. А ведь это готовая частичка центра, который займет в скором времени обширный район от Комсомольского проспекта до улицы Крисанова, от улицы Пушкина до Коммунистической. В этом районе, где сейчас еще стоят, осев на подпорки, как на костыли, деревянные избенки; в районе, где доживают свой век коричневые от старости заборы и буйно лезут из всех щелей чертополох да репей, раскинется террасами обширный парк-эспланада с фонтанами и с красивыми постройками.

Будет здесь и просторная Главная площадь! В праздники Октября и Мая пойдут по ней колонны пермяков и гостей с красными флагами, с оркестрами, выбегут на ее простор бронзовые от солнца и ветра физкультурники, заалеют галстуками пионеры. Пройдут они мимо Дворца Советов, мимо здания Универсального зала для выставок и собраний, мимо высотной гостиницы на 800 мест, мимо нового широкоэкранного кинотеатра и станут говорить, что их Главная площадь — одна из лучших в стране. Жаль, что не знаю я будущего имени этой площа-

ди, но, очевидно, будет оно красивое и гордое, посвященное какому-нибудь замечательному событию или великому человеку. А может быть, назовут ее Площадью коммунистов, в честь тех, кто первым зажег свет справедливости над рабочими окраинами, и в честь той великой цели, к которой мы идем.

Центр города раскинется совсем близко от набережной, от водных ворот Перми. Тот, кто приедет в наш город на пароходе или на стремительном корабле с подводными крыльями, увидит огромные, но стройные контуры моста над синими волнами Камы. Он увидит, если поднимется вверх по течению, справа от себя панораму новой Перми. Конечно, и сейчас вид города со стороны Камы значительно преобразился. Речной вокзал, здание управления лесного хозяйства, набережная с яркими павильончиками и с бетонными причалами очень украсили вход в город с реки, но все-таки основными пятнами, как говорят художники, на этой стороне являются еще старые постройки. Через несколько лет они потеснятся, с крутизны берега входящие в город суда будут приветствовать новые высотные здания, еще более широкие полотнища зеленых зон, и тогда водные ворота города раскроются полностью.

А кроме водных, у Перми есть еще двое ворот—железнодорожные и воздушные. Они тоже меняют свой облик. Многие помнят старый, тесный вокзал Перми II. Сейчас на

его месте встал красавец из стекла, кирпича и железобетона, деревянные неуклюжие здания убраны с привокзальной площади.

А вот воздушные ворота города раскрыты еще, можно сказать, только наполовину. Наш аэродром пока не может тягаться со Свердловским, Тюменским, Казанским, не говоря уже о столичных. Но недалек тот день, когда и Пермь распахнет настежь свои воздушные ворота для серебристокрылых лайнеров, когда с бетонных дорожек Пермского аэропорта можно будет улететь на реактивном самолете во все концы нашей неоглядной страны.

Пермь — город огромный. Раскинулся он на десятки километров. И чтобы проехать из одного конца в другой, необходимо затратить полдня. Это в наше-то время, когда дорога каждая минута, когда у всех столько дел. Ведь сейчас почти каждый советский человек не только работает, но и учится. И, кроме того, почти всякому горожанину надо успеть еще и в театр, и в кино, и на спортивные соревнования... Давно прошли те времена, когда он был ограничен узким миром своей квартиры. Круг интересов современного человека настолько расширился, что дома ему тесно. Он должен постоянно двигаться, ездить, а для этого нужен транспорт. Планировщики будущей Перми очень много думают над этой проблемой.

Значительно больше, чем сейчас, будет троллейбусов. Сразу же, как только закончат мост через Каму, провода троллейбус-

ных линий устремятся в стороны Гайвы и Закамска. Десятки тысяч жителей этих поселков получат легкий, простой способ добраться до центра. Нынешняя электричка, соединяющая различные районы города от Сылвы до Перми II, от Осенцов до Оверят, станет работать, как метрополитен. Поезда пойдут с интервалами в десять-пятнадцать минут, посадочных площадок станет больше, количество перевезенных пассажиров сразу увеличится в несколько раз. Ничего, что наше «метро» пройдет не под землей. Ведь это ни к чему, если есть место на поверхности.

С каждым днем все шире и шире разворачивается фронт наступления новых кварталов на деревянные, одряхлевшие уголки Перми. До поры до времени все эти повидавшие виды избенки и бараки не трогали. Новая застройка велась на пустырях, и значительная часть города долго оставалась во власти дедовских и прадедовских домишек. Страна была еще не так богата, чтобы сразу разломать все устаревшее, подгнившее. Ведь население Перми прибывает очень быстро. И если бы мы изломали все старые здания, то в построенных на их месте новых домах поселилась бы примерно половина нуждающихся в жилье, а часть осталась без крыши над головой.

Но сейчас наша Родина так окрепла, имеет столько материалов, столько машин, что строители смогли перейти в наступление на старые, избытые кварталы, на бараки, построенные в трудные годы. Наступление это

идет успешно. То тут, то там видно, как бульдозеры и экскаваторы разметывают дощаные заборы, источенные непогодой и жучками-древоточцами бревенчатые стены. К тому месту уже идут грузовики с железобетонными деталями современных квартир, а навстречу им другие автомашины везут хозяев сломанных избушек в благоустроенные дома.

Недалеко то время, когда полностью обновится район старых построек около речки Егошихи, самый древний район нашего города. Ребятам, которые будут жить здесь через несколько лет, многие позавидуют. Не только стройные, красивые дома встанут на их улицах. Вознесет к небу свой купол планетарий. Все те, кто захочет узнать, как устроена Вселенная, сколько над нами звезд и как до них добраться, станут приезжать в планетарий. Может быть, среди этих любознательных парнишек и девчонок пройдут через залы планетария и будущие космонавты. Ведь наша пермская земля уже приняла в свои крепкие руки космический корабль «Восход-2», возвратившийся из сложного полета 19 марта 1965 года.

Но не только планетарий готовит в ближайшем будущем Пермь своим ребятам. В пригородной зоне среди сосен и елей, на берегах Камы, Чусовой, Сылвы и множества других веселых речек раскинутся новые пионерские лагеря, палаточные городки, туристские базы. А на одной из площадей города, зимой и летом, в любую погоду, по круглой

арене Пермского государственного цирка бодрым маршем пойдут ученые кони, взвьются над трапециями ловкие акробаты, а насмешник клоун заставит всех хохотать до упаду...

Одним словом, чем дальше, тем красивее, лучше, удобнее становится наша Пермь для всех — больших и маленьких.

И надо в этом городе жить так, чтобы не быть иждивенцем. Надо помогать своему городу становиться красивым...

Ты помнишь комсомольцев двадцатых годов? Тех, что создали сквер? Кто бы ты ни был, ты должен повторить этот чудесный праздник... Ведь посадить хотя бы одно дерево не только для себя, а для всех — это очень радостно!

Живет в Перми опытный творец зеленых массивов В. Л. Миндовский. Ему очень хорошо известна радость, когда прохладная крона дерева вскинет в небо тысячи листовых флажков, зашумит, затрепещет над головой. Просторней становится тогда улица, засвищут на ней птицы, веселее загомонят ребятишки. Ради этого можно не жалеть себя, долбить каменистый грунт, засыпать ямы черноземом и бережно опускать в них корневища тополей, ради этого стоит закладывать все новые и новые питомники в Перми. И это тоже область строительства, и организация, которой руководит В. Л. Миндовский, так и называется — Горзеленстрой.

Но мы свое внимание пока обращаем только на вид города с улиц. А ведь архитек-

торы думают не только о внешней красоте постройки. Их главная задача — сделать жилище и внутри удобным для человека. Сейчас в современных районах города исчезли коммунальные квартиры с одним коридором и закопченной кухней на пять-шесть семей. Все больше и больше горожан получают теперь отдельные квартиры в одну, две, а то и в три комнаты. В каждой квартире обязательно имеется кухня и ванная, водяное отопление и канализация. Во многие кухни прибежал по трубам и вспыхнул голубым огоньком газ.

В будущем наши квартиры станут еще удобнее. Ведь так уж устроен человек: достигнутого ему всегда мало. То, что он сделал хорошо сегодня, завтра сделает намного лучше.

В наше время уже существуют проекты квартир, жильцам которых не надо будет сломя голову бегать по мебельным магазинам. Они получают вместе с ключом от квартиры и мебель, которую поставят строители. Правда, слово «поставят» здесь не подходит. Мебель будет встроена в стены. Ведь шкафы, столы и буфеты зачастую так плотно заселяют комнаты, что людям повернуться негде. В иных квартирах истинными хозяевами становятся не люди, а вещи.

Со временем шкафы и буфеты спрячутся в стены, останутся только красивые полированные и застекленные дверцы. Исчезнут под окнами ребристые батареи отопления. Их разместят в полах и стенах. К созданию

таких домов с «теплыми стенами» строители уже приступили. Потом исчезнут и электрические лампочки. Свет будут излучать сами стены и потолки, облицованные специальными материалами.

А раз уж разговор пошел о завтрашнем дне, давайте заглянем в будущее нашего города еще дальше. Конечно, иногда и самая смелая мечта не в состоянии угадать того, что может создать человеческий ум. Но не станем робеть и перенесемся на несколько десятилетий вперед.

...Мы открываем окно и первое, что видим вместо стен и крыш, это нескончаемое море зеленой листвы. Даже трудно поверить, что мы в городском центре. Ветви деревьев поднимаются из глубины дворовых площадок, шумят над широкими плоскими кровлями. Почти каждая крыша — зеленый сад. Заселенный деревьями и цветами город раздвинулся, стал просторным и светлым. Воздух в нем не отравлен бензиновыми парами и дымом заводов. Зелень и специальные дымоуловители на трубах отлично справляются с вредными газами и копотью.

Автомашины тоже исчезли с улиц. Их место за городом, на широких автострадах, а люди отлично обходятся и без них. На основных магистралях — проспектах и главных улицах — не стало трамвайных и троллейбусных остановок. Вдоль тротуара движется широкая лента-транспортер со скамеечками. Садись и поезжай. А если очень торопишься, иди на станцию подвесной дороги, забирайся

в уютный вагончик, подвешенный к стальному рельсу на высоких железобетонных опорах, и за несколько минут перенесешься на десятки километров.

На улицах, где транспортеров и подвесных дорог нет, пассажиры садятся в красивые, обтекаемой формы электромобили и спокойно продолжают свое путешествие. Электромобиль совсем не похож на трамвай или троллейбус. Ему не нужны ни рельсы, ни провода. Электрическую энергию он принимает маленькой антенной. Люди научились передавать электричество, как радиоволны, без проводов!

А вот и стройка — большая площадка, огороженная легким решетчатым забором. Мы заглядываем сквозь прутья и видим только машины, которые собирают высокие, стройные здания из цветных стеклянных и пластмассовых блоков. Людей почти не видно, да это и понятно. Всю работу выполняют машины, а люди только управляют ими.

На строительной площадке удивительно чисто. Нет развороченных куч земли, глубоких траншей. Только слышно, как под зеленой лужайкой что-то гудит и сотрясает почву. Это работают подземоходы — мощные стальные кроты. Они, долго не поднимаясь на поверхность, протаскивают под землей трубы для водопровода и канализации, для газа и электрических кабелей. Тащить их легко: они теперь не стальные, не чугунные, а из гибких химических материалов.

Котлованов тоже не роют. Тяжелые дорогостоящие фундаменты исчезли. Стены из стеклопластов и других легких материалов, созданных химиками, теперь не ставят, а подвешивают к легкому каркасу. И дом от этого не стал менее прочным. Он очень удобен. В таком доме в жару можно не только форточку, а целую стену открыть. Опустится стена, как полка в вагоне, на специальных тросах, и комната сразу становится вдвое шире. Стена превращается в громадный балкон...

Но пора заканчивать наше путешествие. Мы прошли и так слишком большое расстояние, заглянув в солнечный город будущего.

Дело теперь за тобой, мой читатель. Наши замечательные стройки ждут тебя, и ты, очевидно, придешь туда, чтобы надеть прочный пояс монтажника или встать к рычагам экскаватора. Я уверен, что ты справишься там с любой, самой сложной, интересной работой. Секрет любого мастерства — в учебе. Учись — и, может быть, ты не только научишься управлять умными строительными машинами, а станешь автором проекта одной из красивейших улиц Перми восьмидесятых годов, создателем солнечных городов будущего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как было	3
Великое начало	12
Могучие помощники	19
Мирные десанты	25
Война с друзьями	29
Солнечные города	38

Родное Прикамье

Лев Иванович Кузьмин

ТВОЙ ДОМ, ТВОЙ ГОРОД

Редактор Г. Н. Солодников
Художник Е. И. Нестеров
Художественный редактор М. В. Тарасова
Технический редактор В. И. Чувашев
Корректор Л. Крамаренко

Подписано к печати 6/VII 1965 г.

Формат 70×90¹/₃₂. Печ. л. 1,625.

Бум. л. 0,8125 (усл.-прив. 1,80125).

Уч.-изд. 1,713 л.

ЛБ02494. Тираж 5000 экз. Цена 5 коп.

2-я книжная типография

управления по печати

г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Зак. 985.

5 коп.

